

Но если такое построение повести противоречит хронологии, устанавливаемой на основании других свидетельств, то благодаря этому рассказ намного выигрывает в идейном отношении. Смерть Исаака представляется прямым последствием его огорчения по поводу насилий и бесчинств, творимых „фрягами“, и вымогательства в требованиях выплаты обещанных им царевичем сумм. Не будучи в силах вынести оскорблений, Исаак „разболѣвѣся, и бысть мних, и отиде свѣта сего“. Здесь особенно выразительна трехчленная концовка, построенная на постепенном усилении значения подобранных автором слов и выражений.

Итак, хотя повесть и представляет значительную ценность в качестве исторического источника, не следует забывать о том, что она остается прежде всего художественным произведением, притом произведением именно русской литературы своего времени.

IV

Можно согласиться с утверждением автора очерка о повести в первом томе „Истории русской литературы“, что язык повести не носит каких-либо следов иноязычного оригинала. Приведенные слова следует понимать в том смысле, что перед нами произведение, безусловно, не переводное и не компилятивное из каких-либо многих иностранных оригиналов, а самобытное творение русского автора; оно представляется единым и по идее, и по композиционным особенностям. Не исключается, однако, возможность использования автором повести некоторых иноязычных источников, а может быть, и устных рассказов византийцев и крестоносцев, с которыми ему приходилось лично общаться. Прежде всего обращает на себя внимание значительная прослойка в тексте повести лексики греческого происхождения. Большая часть ее относится к сфере церковной терминологии и принадлежит еще к пластам общеславянских заимствований, вошедших через церковную старославянскую книжность. К этому типу относятся слова: папа, София, монастырь, мних, патриарх, онбол (амвон), тябло, олтарь, олтарныя, тряпеза, понекадило, евангелъе, иконы, философ, пискупы.¹ К этой же группе причислим слова: цесарь, корабль, фряг. Эти слова, разумеется, настолько крепко и широко внедрились в словарный состав древнерусского языка, что могли употребляться повсеместно и потому могут встретиться в любом русском памятнике, независимо от места его создания.

К другой группе заимствований из греческого следует отнести название зданий и местностей в Константинополе: подрумье (ипподром), Вергетис (название монастыря Βεργετις), Испигас (название ворот, ведущих в пригород Пиги, Εἰς Πύγας), Лахерна (Влахернский дворец). Эти названия верно передают народно-разговорное произношение, обычное в той среде, где мог вращаться автор повести, живя в Константинополе. Эти же названия употреблял и Добрыня—Антоний в своем описании Царьграда.

К третьей группе слов относятся названия военных судов и их частей: галѣя, скала, дромон; сюда же примыкают: рая (раина-рея) и кадь (мера). Эти слова, частью заимствованные из итальянского языка в греческий, были тоже, несомненно, широко распространены

¹ См.: М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, т. III. СПб., 1912, стр. 29, 76, 46, 180, 71 и др.